

Тернопільський національний педагогічний університет імені Володимира Гнатюка
Кафедра теорії літератури і порівняльного літературознавства
Міжкафедральна лабораторія славістично-методологічних студій

STUDIA METHODOLOGICA

Випуск 18

Альманах видається з 1993 року

Тернопіль
2006

Редакційна колегія:

д.філол.н., проф. Олег Лещак (головний редактор)
д.філол.н., проф. Роман Гром'як
д.філол.н., проф. Тетяна Волкова
д.філол.н., проф. Ольга Куца
д.філол.н., проф. Оксана Веретюк
д.філол.н., проф. Олександр Глотов
д.філол.н., проф. Михайло Лабашук
к.філол.н., доц. Ігор Папуша
к.філол.н., доц. Юрій Сітько
магістр Юрій Завадський

Науково-редакційна рада:

Зд.Є.Адамчик, М.Братасюк, Д.Затонський, Е.Касперський, В.Кравець, Н.Мазепа, І.Пасько,
В.Сердюченко, С.Ткачов, І.Удварі, М.Чаркіч, Я.Ядацький, Я.Ярошовець.

Альманах внесено до Переліку фахових видань ВАК України №5 від 10.05.2000 за спеціальністю “філологія”. Публікації в альманаху визнаються фаховими ВАК України згідно з наказом №2-01/10 від 13.12.2000 за спеціальностями “філософія”, “соціологічні та політологічні науки”. Друкується за рішенням Ученої ради ТНПУ імені Володимира Гнатюка.

Рецензенти:

д.філол.н., проф. Олег Лещак
д.філол.н., проф. Олександр Глотов

Адреса редакції:

46027, Тернопіль – 27, а/с 554.
e-mail: editor@studiamethodologica.com.ua
Веб-сайт альманаху: www.studiamethodologica.com.ua

*Редакція не завжди поділяє погляди авторів.
Матеріали друкуються мовою оригіналу.*

МЕТОДОЛОГІЧНІ СТУДІЇ

<i>Юрій Ситько.</i> Опыт функционально-прагматической мифологии взаимодействия научных парадигм (одна из коллизий с фонемой).....	4
<i>Ігор Козлик.</i> Чи потрібна теорія літературознавчому студіюванню філософської лірики? (Методологічний і теоретичний досвід одного літературознавчого підходу).....	13
<i>Тетяна Яхонтова.</i> Категорія “жанр” в австралійській системно-функціональній лінгвістиці.....	24

МОВОЗНАВЧІ СТУДІЇ

<i>Тамара Мельник.</i> Проблема сприйняття української мови в умовах білінгвізму.....	28
<i>Пётр Червинский, Маргарита Надель-Червинская.</i> Семантика вегетативного кода в языке и фольклоре (русско-польские параллели)	34
<i>Оксана Просяник.</i> Парадигма: конкретное множество или закон его организации?.....	52
<i>Margaryta Nadel-Czerwińska, Tatiana Kwiatkowska.</i> Derywaty formalne rosyjskich przysłów.....	55
<i>Артем Бірюков.</i> Оцінка якості системи машинного перекладу „Прагма 4.4” з німецько-українською мовною парою.....	61
<i>Лариса Адонина.</i> Образный компонент концепта «женщина».....	65

ЛІТЕРАТУРОЗНАВЧІ СТУДІЇ

<i>Фелікс Штейнбук.</i> Епістемологія тілесного міметизму феномену дотику в текстових стратегіях сучасної літератури.....	71
<i>Ігор Пануша.</i> Іван Франко і Зигмунд Фрейд: аналогії та інтерпретації.....	78
<i>Елена Черноусова, Владимир Казарин.</i> А.С.Пушкин в криму – новые гипотез.....	82
<i>Степан Кость.</i> Концепція валеродизму: від І.Франка до Д.Донцова.....	93
<i>Наталія Грицак.</i> Концепція “ідеального” читача у творчості М.Цветаєвої.....	98
<i>Ирина Тяллева, Анна Белокопытова.</i> Национально-культурные стереотипы восприятия образов розы и ромашки	102
<i>Тарас Пастух.</i> Естетичне новаторство Василя Голобородька.....	108
<i>Лидия Дербенёва.</i> Пространственно-временные образы-символы комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума»: мифологический аспект.....	114

МАТЕРІАЛИ МІЖНАРОДНОГО МЕТОДОЛОГІЧНОГО СИМПОЗИУМУ “ОБ’ЄКТ І СУБ’ЄКТ ГУМАНІТАРНОГО ПІЗНАННЯ“

<i>Н.Грихонина.</i> Симметрия «я – мир» как константа литературной исповеди.....	118
<i>Е.Дроздова.</i> Семантика и категоризация глаголов магического ритуала.....	122
<i>С.Кириченко.</i> Подтекст как объект исследования «внесловесной» реальности.....	123
<i>О.Полякова.</i> Фреймовая организация структуры рекламного текста.....	126
Відомості про авторів.....	128
Умови прийому матеріалів до альманаху.....	129

ОПЫТ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ (одна из коллизий с фонемой)

Ситуация с фонемой

Поляк по рождению, француз по происхождению и русский подданный Иван Александрович Бодуэн де Куртене является едва ли не ярчайшей фигурой в истории русского языкознания. Неоценимо, хотя и не оценено его значение и для мировой лингвистики, в которой он подготовил и совершил революцию, сравнимую по значению с революцией И. Канта в философии. Кажется, что историю лингвистики нужно разделить на два периода: до Бодуэна и после Бодуэна. Естественно, что интереснейшим периодом в истории лингвистики является время самого Бодуэна, его обмен идеями с Ф. де Соссюром и со своим учеником Н. Крушевским (кстати, тоже поляком). Но к серьезному разговору об этом, несмотря на горы написанного и «холмы» изданного, пока вряд ли кто готов... Поэтому мы остановимся в этом докладе на вопросе о судьбе выдвинутого Бодуэном понятия фонемы в русской и, следовательно, мировой лингвистике.

Работая в Казани Бодуэн и группа лингвистов так или иначе им руководимых столкнулась с одной достаточно нетипичной для собственно лингвистики второй половины XIX в. прикладной проблемой. Они занялись вопросами преподавания русского языка татарским детям. Следует отметить, что система звуков татарского языка и правила их сочетания, да и всех тюркских, принципиально отличаются от индоевропейской системы. Поэтому, татарские дети самым естественным образом переносили свои родные навыки произношения на русскую речь и в письмо. У них возникли постоянно повторяющиеся, воспроизводимые и даже предсказуемые ошибки. Собственно выкристаллизовалась проблема: почему дети воспроизводят в русском языке не русские, но родные татарские звуки. Более того, процессы взаимодействия между звуками у них тоже чисто татарские. В русском таких нет. В таких условиях учить детей было очень сложно.

Это методическое затруднение выделило проблему чисто лингвистическую: что такое звук языка? Бодуэн, привлекая данные своих учеников, назвал звук языка фонемой, вынес его за пределы физических явлений и определил ее в этом плане как «połączenie w jednolitą grupę wyobrażeń i wyobrażeń prac wykonawczych organów mownych oraz wyobrażeń związanych z tymi pracami odcieni akustycznych, wyobrażeń, złączonych w jedną całość wyobrażeniem jednoczesności wykonywania owych prac i otrzymywania (percepcji) wrażeń od owych odcieni akustycznych» [Baudouin, 1984: 147]. Таким образом, фонема, как коммуникативно-значимое представление о звучании и артикуляции звука, несмотря на свой «физический» статус, предстала, как и всякая другая языковая единица, инвариантным психическим образованием, значимым для сообщества носителей данного языка. Обратим внимание на а) психологическую составляющую в этом определении, б) социологическую и в) деятельностную составляющую.

В приведенном определении мы найдем и интерес к психическому субстрату языка, и к природе его изменений, и к семиотическим основаниям коммуникации и мышления... Интерес Бодуэна и его учеников был прикован к проблемам соотношения индивидуального

и народного языков, вопросам становления языковой системы, языковых отношений, проблемам функционирования языка. Собственно, этот ход мысли определил пути лингвистики вплоть до нашего времени, инициировал многие идеи Сосюра и, через него, создал взгляды иных лингвистов.

Однако, так сложилось, что ни Казанский, ни Санкт-Петербургский, ни Дерптский университеты, в них работал Бодуэн, не были законодателями лингвистической моды в России. Напротив, центрами русской лингвистики сразу после революции стали Москва, Прага, Женева. А Дерпт (Тарту), Ленинград и Казань, где было большое количество учеников Бодуэна оказались на периферии. После же выхода в свет известных трудов И.В.Сталина по общему языкознанию и формирования своеобразного советского лингвистического кредо московская лингвистическая школа объявила себя своего рода носителем и хранителем истинной лингвистики.

Обратимся же ко взглядам москвичей на фонему. Следует сказать, что вопрос о природе звуков языка вообще мало интересовал московских лингвистов. На протяжении почти всего XIX века они занимались скорее филологическими, чем лингвистическими штудиями, стремясь отыскать дух русского народа и его культуры. Лингвистика же носила в значительной степени прикладной характер. В этом плане наиболее ярким достижением в теории фонетики московской лингвистической школы начала XX века можно считать взгляды акад. Ф.Ф. Фортунатова. Согласно его концепции, комплексы звуков являются заместителями представлений как комплексов восприятий [Фортунатов 1956: 111-125]. Таким образом, так или иначе, для Фортунатова как главы московского направления, звук был внешним по отношению к языку явлением, которое стоило изучать только с акустико-артикуляционной стороны [Фортунатов 1956: 84-110]. Звук как бы выводился из области субстанций языка, становясь своего рода материалом, как песок является материалом для архитектора, но выходит за пределы архитектуры.

Вообще, следует сказать, что представители московского направления русской лингвистики уделяли сравнительно немного внимания вопросам порождения речи отдельным индивидуумом. Их скорее интересовала языковая система как совокупность правил языка. Причем, чем четче эти правила были сформулированы для конкретной эпохи, тем лучше. Вопрос, таким образом, переносился в плоскость статичного максимально точного описания состояния языка, а не функционирования языка, его динамики. В этом плане интересно было выделить диалект как самостоятельную единицу, найти соотношение между языком и диалектом, найти новый суффикс или фонетический закон, найти субстанцию языка, пусть и идеальную.

Всплеск к теории языкового звука, к фонологии в Московском университете наблюдается сразу после революции. В эти смутные, голодные и холодные годы Москва порождает целую плеяду концепций, которые определяют филологию XX века. Достаточно назвать фамилии Р.О.Яacobсона, М.М.Бахтина, В.Шкловского, Тынянова. Фонема стала одним из центров научной мысли.

Вот лишь несколько определений фонем данных представителями Московской школы. «Фонема есть общественно, а следовательно, и грамматически выделенный звук» [Яковлев 1946: 146]. «Звуковое качество, дифференцирующее морфемы языка» (Аванесов, Сидоров). Наконец, совершенно потрясающая теория фонем Р.О.Яacobсона как рядов противопоставлений. На протяжении 30 лет наблюдался постепенное движение от антропологического и бодуэновского антропоцентристского понимания фонемы (Яковлев) к субстанциональному ее пониманию. Чем объяснить такой всплеск к вопросу, который генетически связан с вопросами преподавания языка, вопросами совершенно вторичными для людей, ищущих, а не передающих сущность языка?

Единственное, что связывало последователей Бодуэна и выходцев из Московского университета, было активное участие в работе Московского лингвистического кружка ученика Бодуэна Е.Д.Поливанова, который воспринимался москвичами в качестве своеобразного гуру. Здесь не место для описания исторических и биографических подробностей деятельности Поливанова. Мы ограничимся только очень показательной цитатой из воспоминаний известного советского писателя В.Каверина, опубликованных в книге М.В. Горбаневского:

«Поливанов, которому очень хотелось, чтобы я занялся лингвистикой, рассказал мне вполне законченную работу, посвященную фонемам.

– Почему бы, вернувшись домой, вам не записать ее, чтобы потом представить в университет, как диплом? – сказал он» [Горбаневский 1991: 162]. Всем, кто интересуется подробностями участия Поливанова в научных изысканиях Московского лингвистического кружка мы, за неимением места вынуждены порекомендовать достаточно информативную работу [Горбаневский 1991].

Итак, мы утверждаем, что именно личное участие и влияние одного из учеников Бодуэна разительно изменило круг научных интересов целой лингвистической школы. Однако, такое изменение коснулось только интересов, но никак не способа исследования или методологических установок. Бодуэн был, как кажется, более кантианцем. Москвичи – гуссерлианцами и аристотелианцами. Фонология в Москве последовательно шла по пути феноменологизации лингвистики, и, соответственно, депсихологизации и дегуманизации ее, редукции объекта к статичному неподвижному внешнему по отношению к конкретному носителю языка феномену. Иными словами фонема из инструмента исследования языка человека вновь стала статичным объектом исследования. От идей Бодуэна москвичи вернулись к традициям Фортунатова.

Проблема определения прогресса

Приведенная выше детективная история позволяет перейти нам к основной части нашего выступления. Сказанного, кажется достаточно, что бы понять, что мы имеем дело с двумя прямо противоположными методологическими направлениями. Одно из них в силу тех ли иных причин попала под мощное влияние другой, но сумело сохранить свое своеобразие, последовательно реализовав свои положения на «чужом» поле и даже узурпировав право на истину в заимствованной области. С последним утверждением согласится, кажется, всякий кто читал русские учебники, монографии и статьи по фонетике и обращал внимание на засилье Московской фонетической школы в отечественной лингвистике. В чем же причина такого положения вещей?

Если приглядеться к судьбе фонемы в русской лингвистике, то мы не сможем не заметить, что приоритет в фонологии принадлежит Бодуэну и его ученикам. Однако, наиболее популярная и распространенная, так сказать, официальная реализация фонологии принадлежит московской школе, которая всегда была более влиятельной в научных кругах. Она формировала состав 2-го отделения Императорской академии наук, она массово готовила кадры для высшей школы на протяжении всего XX века, она сумела использовать в своих целях даже такой увесистый аргумент, как мнение И.В.Сталина по вопросам языкознания. Таким образом, речь идет не столько об интеллектуальном, сколько о социальном господстве московского направления в русской лингвистике. При этом, практическая применимость результатов ее исследований является довольно узкой. Это скорее, филологическая критика текста, сама по себе являющаяся довольно узкой дисциплиной. Кажется, практическое применение результатов не сильно интересовало феноменологически ориентированных московских лингвистов.

На этом примере мы можем утверждать, что в русской лингвистике (шире – в гуманитарных науках) практическая применимость не является основным признаком прогрессивности научной теории. Скорее, наоборот. Таким образом, идеи, лежащие в основе того или иного научного направления определяют оценку результатов научного исследования, а не наоборот. Так, понятие фонемы для московских лингвистов стало точкой приложения для феноменологии Гуссерля или идей Гегеля, начисто утратив методологическую практическую ориентированность, заложенную Бодуэном и его учениками. Более того, именно антипрактическая ориентация стала доминирующей в русской лингвистике. Московская школа взяла одно понятие фонемы и на его основании создала принципиально другое.

На этом примере мы видим, что научная парадигма не зависит от тех или иных идей, но сама продуцирует идеи, хотя в процессе взаимодействия между парадигмами

некоторые опытные и теоретические данные заимствуются из других парадигм (фонемы). Такое заимствование не всегда можно оценить с точки зрения идеи о прогрессе научного знания. Например, для московской лингвистической школы неприменима идея И.Лакатоса о прогрессивности исследовательской программы как о способности предсказывать на основе теоретических исследований фактический материал, поскольку сама возможность предсказания не является обязательной установкой для того или иного направления. Неприменима также и идея Т.Куна о смене научных парадигм, например, направление Бодуэна нормально существовало да и существует в русской лингвистике, нося, правда, легкий отпечаток научной ереси. Еще менее к отношениям бодуэнизма и московской лингвистической школы применимы идеи К.Поппера о фальсифицируемости как основном признаке научности, поскольку именно такая фальсифицируемость не является допустимой для представителей московской лингвистической школы, которая тяготеет скорее к лингвистике как искусству, чем как к науке.

Все сказанное ставит под сомнение идею прогресса в лингвистике вообще и, шире, в гуманитарных науках. Напротив зачастую, на господство той или иной парадигмы в гуманитарных науках влияют внешние по отношению к ним факторы: политические, социальные. Однако, несмотря на такое влияние, направление стремится к стабильности, оставаясь самим собой, что, зачастую, исключает возможность собственно интеллектуального научного влияния.

В этом плане можно предположить, что мы имеем два прогресса гуманитарной науки. Первый прогресс мы назовем социологическим. Второй – теоретическим. Попробуем рассмотреть эти два прогресса.

Прогресс интеллектуальный и социальный.

Наука как социальное явление. Внешняя история науки

Приведенную дихотомию прогресса мы склонны связывать со специфической природой гуманитарных наук, которые в отличие от точных или естественных наук никак не ориентированы на фиксирование фактов. Вообще само понятие факта в гуманитарной науке несколько отличается от естественнонаучного. Факт гуманитарных дисциплин несводим к восприятию, он не представляет собой повторяющийся в перцептивном опыте набор признаков, как это принято для естественных наук¹. Напротив, фактом для гуманитарной науки является интерпретация естественнонаучного факта (например, фонема как способ интерпретации звуков, которые интерпретируются субъектом как звуки языка). Причем сама интерпретация факта зависит от самых разных факторов и в первую очередь от целей исследователя. И в этом плане проблема прогресса переходит в плоскость определения прогрессивного способа интерпретации, прогресса в области целеполагания. Такой прогресс вряд ли возможен для всей науки, поскольку сама по себе наука не является чем-то. Наука — это не набор очень личных и индивидуальных взглядов отдельных ученых на одну и ту же проблему, это явление социологическое. Каждый из ученых имеет собственную интеллектуальную биографию и в этом плане мы можем говорить только о прогрессе в пределах развития индивидуальных научных взглядов. Для одного развитие состоит в одном, для другого в другом.

Итак, вполне можно допустить, что существуют ученые, для которых прогресс является последовательной сменой научных взглядов в том или ином сообществе. При таком понимании ученый должен следовать такой смене или, что значительно лучше, предвидеть смену такой научно-теоретической моды и вовремя (желательно первым, чтобы иметь приоритет), но не рано (чтобы не прослыть еретиком) отразить в своих работах то, что будет прогрессивным. Это может дать гранты, степени, звания, командировки, известную свободу в преподавании и выборе направлений исследования, почет и уважение коллег... Словом, ученый в такой ситуации почти моментально решает все организационно-

¹ Кстати, повторяемость или воспроизводимость факта сама по себе является проблематичной для гуманитария. Трудно представить себе археолога, который будет искать еще одну Трою. Скорее он станет искать специфическое в Трое.

бытовые вопросы, которые ставят его не всегда экономически обоснованные занятия. Иными словами, такая постановка проблемы сводит понятие прогресса в науке к решению насущных карьерных проблем отдельного ученого или группы ученых, если они готовы для этого скооперироваться.

Ученые должны выбрать перспективное направление и решить когда, так сказать, произвести выгодный им переворот в науке, закрепить достигнутые результаты и удержать власть. Это и будет прогресс. С точки зрения конкретной группировки.

Однако, подобный взгляд на научный прогресс ставит массу проблем. Среди них вопрос выбора наиболее удачного направления исследования, вопрос выбора времени... Наибольшей же проблемой является обоснование своих занятий, позволяющего «конвертировать» научные занятия в искомый престижи его атрибуты, источником которых не является, в конечном счете, научное сообщество. В этом плане на процесс прогрессирования науки влияют в значительной степени внешние факторы. И эти факторы в первую очередь социальные. Социум (предприниматели, нуждающиеся в решении тех или иных проблем, государство, студенты, оплачивающие те или иные курсы...) является своего рода заказчиком науки. Однако, социум меньше всего представляет науку как процессуальную сферу. Научные споры меньше всего интересуют общество. Общество интересуется результатом, той истиной, которую ученый предьявляет в результате своих исследований. В нашей культуре наука – это в первую очередь результаты деятельности по поиску истины. Если говорить о гуманитарной науке, то это истинные интерпретации фактов.

Таким образом, мы считаем, что социальные экстранаучные факторы в значительной степени влияют на развитие науки, ее направлений. Однако такое влияние нельзя считать абсолютным. В нашем случае следует напомнить о так называемом «Деле славистов», разгромившем в 30-е годы XX в. элиту московской школы лингвистов и о выступлениях Сталина об общем языкознании в 1950 году, вознесшем ту же школу на вершину научной власти. Трудно сказать, чем руководствовался Сталин в обоих случаях, но московские и близкие к ним по школе гуманитарии прочувствовали свою зависимость от социально-политических перипетий в полной мере².

Однако политика Сталина не объясняет в полной мере нашей проблемы динамики взаимодействия научных парадигм, поскольку, как мы уже говорили, практическая ценность для общества решения московской школы равна нулю. Тем не менее, именно московское направление до сих пор является «самым истинным» в русской лингвистике.

В этом плане ученый, несмотря на стремление извлечь максимальную выгоду из своей деятельности, вынужден заняться кроме прочего и самой научной деятельностью, поиском истины, которая конституирует само понятие «наука». Вопрос об истине становится для ученого не менее важным, чем некоторые нюансы построения карьеры. Более того, даже полное господство в социальных институциях, регулирующих науку не гарантирует социального успеха. Напротив, отсутствие важных для общества результатов ставит под вопрос целесообразность существования той или иной господствующей научной группировки. В господстве есть не только гарантии, но и риск. Истина, таким образом, не только инструмент построения карьеры, но и способ консервации выгодного положения вещей, регулятор скорости изменений в научной среде.

Наука как интеллектуальное явление. Деятельность по поиску истины

Наука, будучи не только социальным, но и интеллектуальным явлением, ставит нас перед проблемой своего определения. Мы не берем на себя ответственность однозначно определить что такое истина, но в рамках предлагаемой нами модели выделим вслед за проф. О.В.Лещаком четыре онтологических характеристики истины, которые выступают как конституирующие в его типологии гуманитарных методологий. Итак, мы можем разделить понимание истины в той или иной научной концепции во-первых по локальному принципу

2 Интересные наблюдения по данному вопросу, но относящиеся к несколько более позднему периоду, можно найти в статье В.А.Успенского «О двух типах тоталитарного мышления» (http://www.russ.ru/ist_sovr/20020704.html).

на а) феноменалистские, б) менталистские; и во-вторых по темпоральному признаку на в) индетерминистское и г) детерминистское.

Феноменалистское понимание истины предполагает, что истина как объект науки существует независимо от своего носителя и/или исследователя. В этом плане задачей исследователя является поиск этой самой истины, приведение себя и своих взглядов в соответствие ей. Естественно, что при таком подходе сам процесс исследования будет направлен на поиск таких способов описания объекта и создание таких теорий, которые будут независимы от самого исследователя или от чьего-либо мнения. Возникнет потребность в создании на основании этой истины процедуры действий, которая бы гарантировала ученому получение такого материала (сливающегося здесь с результатом исследования), который независим от влияния извне, в том числе и со стороны самого ученого. Методика исследования, ее выбор и соответствие природе истины в этом плане становится крайне важной (в данном случае мы очень широко понимаем методику, предполагая, что и диалектика Гегеля как алгоритм получения феноменов тоже является методикой). При таком подходе ученый будет вынужден уточнять (в данном случае не важно для кого) истину.

Что может быть объектом исследования ученого-гуманитария, который верит в феноменальность истины? То, что от него не зависит. Это будет некое понятие или явление, в котором исчезнет все субъективное. Ничего субъективного, личного в такой теории в идеале быть не должно. К материалу таких теорий могут быть отнесены самые разные вещи: звук, поступок, цель, сущность, поведение, общество – словом, все, повлиять на что ученый не надеется и считает *невозможным*. В результате такого объективистского исследования мы получим некий стабильный конгломерат знаний, который в силу приложенных к нему «правильных» методик является неизменным и не подлежит сомнению. Однако, мы не можем исключить некие субъективные факторы, которые привнесены исследователем. И в этом плане задачей ученого-феноменалиста будет все дальше и дальше продвигаться к вожделенному объективному знанию, отсекая все наносное, субъективное, ненастоящее, случайное, что содержится в науке как творении нас и наших предшественников, сохраняя истину в ее священной неприкосновенности. Феноменалистская теория будет чрезвычайно стабильным образованием, прогрессом для которого будет возрастание примечаний к себе самому либо уничтожение других точек зрения.

Менталистское понимание истины предполагает, что истина не может существовать сама по себе. Истина существует лишь постольку, поскольку существует субъект истины, ее непосредственный носитель. Им может быть другой человек, но он всегда будет восприниматься исследователем сквозь призму собственных взглядов, в чем ученый полностью отдает себе отчет. В этом плане истина находится в зависимости от субъекта и задачей исследователя является установить соответствие между своей теорией и тем смыслом, который он считает истинным. В данном случае речь идет в первую очередь о фиксации истины, а не уточнении ее. В данном случае задачей ученого является создание такой теории, которая бы соответствовала наличному ментальному образу истины. Вопрос же о чистоте эксперимента, об избавлении от субъективных влияний отходит на второй план. Методика в этом плане уступает место эвристике. Менталист будет в первую очередь направлен на построение теории, а не на оберегание существующих систем. Ученого-субъективиста будет, прежде всего, интересовать объяснение, а не описание того, с чем он столкнулся.

Что может быть объектом таких менталистских теорий. Естественно, субъект и все происходящее с ним. Самые разные состояния субъекта, нюансы его поведения, что угодно, но в первую очередь – причина истины, лежащая в нем самом. Иными словами, субъективистская теория готова отказаться от всего и от самой себя, ради разыскания той первопричины, той точки опоры внутри субъекта, которую так легко постулировал ментализм за пределами субъекта. В этом плане ради искомой точки опоры последовательный субъективист готов разрушить любую, даже свою, даже любимую теорию. Или просто забыть о ней. Научный прогресс для менталиста – в приближении (порой кажущемся) к этой утраченной точке опоры в человеке.

Ученый, стоящий на индетерминистских позициях, это человек, который уверен,

что с истиной ничего не может произойти. Она непреложна и не существует в измерении изменчивости (темпоральной или какой-либо иной). Его истина стабильна и в мире нет места второй истине. Будь их две, они либо сольются в одно, либо станут друг другу противоречить. Такая позиция предполагает монистичность истины, ее неделимость. Ученый, который так считает никак не сможет плавно перейти от одной теории к другой. Напротив, любое изменение его взглядов будет похоже на смену символа веры. В данной позиции невозможен прогресс как постепенная смена взглядов. Напротив, периоды стабильности сменяются революционными скачками во взглядах.

Детерминист искренне уверен в том, что истина не может существовать сама по себе, но она находится в постоянном движении, определяемая самыми разными факторами. Истина, таким образом, бывает, но не существует. И его задача в том, что бы постоянно соответствовать истине. Научная теория, таким образом, все время может и должна быть дополнена, развита, расширена. Суть науки как поиска истины при таком подходе в том, чтобы неуклонно продвигаться к истине. Естественно, что детерминист является бунтарем и еретиком в науке, носясь с новыми фактами, идеями, взглядами. Он крайне беспокойное существо, которое стремится и не находит совершенства. Но его никак не назовешь революционером, потому, что стабильности в его мире быть не может. Он не идет скачкообразно от одной эволюции к другой, но постоянно меняется. Изменение его взглядов – это перманентный прогресс. Такой детерминизм выливается в поиск все новых и новых аспектов, влияющих на его объект, усовершенствующих его теорию. Теория, таким образом, лавинообразно изменяется в направлении тех ценностей, которые в данный момент представляются истинными.

Нетрудно себе представить, что обе классификации одновременно применимы к научным парадигмам и образуют своего рода таблицу, которая определяет научную деятельность ученых и целых лингвистических парадигм.

Феноменалистский индетерминизм	Феноменалистский детерминизм
Менталитский индетерминизм	Менталитский детерминизм

Таким образом, мы утверждаем, что можно выделить 4 типа методологических парадигм в гуманитарных науках, которые в зависимости от того, как они онтологически оценивают истину, по-разному проводят свои научные исследования и по-разному взаимодействуют с другими парадигмами. Феноменалистские индетерминисты стремятся к всестороннему уточнению своей научной теории, делая упор на специфические приемы получения знаний. Своей задачей они видят повсеместное распространение своих достижений, рассматриваемых как единственно истинные. Для них неприемлемо ни принципиальное изменение теории, ни принципиальное расширение фактов, лежащих в ее основе. А научный прогресс принимает формы консервирования, ретранслирования и уточнения сведений, которые *a priori* не могут противоречить теории. Истина создает теорию и методiku пополнения теории. В этом плане понимание истины в данной методологии конституирует тот материал, который будет допущен в теорию. Либо, если он в силу тех или иных причин попал в теорию, в корне преобразует этот материал, перерабатывая его и приспособлявая к соответствию истине. Противоречие между истинным фактом и истинной теорией заведомо решается в пользу теории. Это можно назвать интенсивным обскурантизмом.

Представители феноменалистского детерминизма стремятся к стабилизации априорной истины, однако эта истина может все время дополняться, принципиально не меняясь. Такой методологический подход заставляет ученого все время расширять пределы теории, не меняя ее саму принципиально. Истина в том и состоит, что она все время развивается, меняется количественно, движется. И за нею надо поспеть, создать методiku, которая будет механически выдавать все новые и новые истины. Основной вопрос такого ученого: что есть истина здесь и сейчас? В такую теорию может быть допущен любой материал, он будет тщательно описан и задокументирован. Однако, он не создаст теории

помимо той теории объективной, но изменчивой множественной истины, которая положена в основу этой методологии. За лесом истин не видно ничего. Прогресс заключается в неуклонном расширении фактов теории, в поиске все новых и новых явлений, понятий, часто не связанных между собой. Такая методология своим стремлением умножить объем научного материала, безусловно, дестабилизирует другие парадигмы, однако стабильность теоретических посылок рассматриваемой методологии в известной степени нивелирует ее «бунтарскую» составляющую. Это можно назвать экстенсивным обскурантизмом.

Менталистский индетерминизм заставляет своего адепта всякий раз сталкиваться с одной стороны с изменчивостью истины, а с другой с непреодолимой необъяснимостью этого. Истина случается с ученым и его задачей является как можно скорее эту истину задокументировать. Она недолговечна. Любое изменение личности ученого в корне меняет истину. Истина развивается скачками не снизу вверх, но в любые стороны. Тут нет места прогрессу, но есть место «до» и «после». Абсолютный релятивизм, где нет вперед/назад, вверх/вниз, вправо влево. Задачей исследователя является создание такой теории, которая бы полностью удовлетворяла своего автора. Его основной вопрос: как мне успеть зафиксировать истину? В результате получается такая индивидуальная теория, на которую никто кроме ее автора никак не может повлиять. Она сводится к личному мнению ученого. И именно он выбирает те процедуры, которые конституируют теорию, те факты, которые войдут в теорию. Наука при таком понимании становится очень индивидуальным занятием, индивидуальным поиском индивидуальной истины. Она полностью перестает быть в какой-либо степени общественным занятием, а ученые видят свою задачу либо в неограниченном распространении собственной теории и расширении круга ее сторонников, либо в отстаивании права собственной теории на существование, а прогрессивность ассоциируется с соответствием научным вкусам и взглядам исследователя. Прогресс принимает форму создания множества авторских теорий, которые в принципе одинаково истинны и одинаково ложны, форму неслитной многоголосицы. Главным критерием истинности теории становится предпочтение исследователя. Истина, таким образом, рассматривается как собственное мнение, а прогресс – как соответствие истине. Естественно, что сторонники такой методологии в тот или иной момент редуцируют научный процесс к взаимоотношениям между отдельными теориями и их носителями. При такой постановке вопроса весьма важной станет вопрос научной этики и взаимоотношений между отдельными направлениями. Файрабэнд.

Менталисты детерминисты, понимая истину как ментальное явление, зависящее от практически бесконечного количества факторов, естественно стремятся построить такую теорию, которая как удовлетворяла бы задачам исследователя, так и согласовывалась бы со всеми известными фактами и факторами. Теория, таким образом, оказывается в зависимости от двух взаимно противоположных факторов: от целей исследования и от доступного материала. Теория считается удовлетворительной и истинной пока не войдет в противоречие с двумя описанными факторами. Пока теория соответствует этим двум факторам с точки зрения детерминиста-субъективиста теория истинна. Истина, таким образом, представляет собой характеристику теории, ее отношения к материалу и целям исследования. Естественно, что истина при таком понимании находится под постоянной угрозой и со стороны целей исследования, которые при изменении обесценивают теорию, и со стороны материала, который в любой момент может разрушить теорию. При таком понимании прогресс рассматривается как непрерывный процесс приведения теории в соответствие материалу и целям исследования. Прогресс, таким образом, становится стремлением к порождению новых истин, не отменяющих предыдущие, но предполагающих, провоцирующих следующие. Факты и целеполагание становятся движителями и источником прогресса в таких теориях. Они стимулируют расширение теории, стремление к объяснению все новых и новых фактов, в применении их к ко все новым и новым областям деятельности. Развитие, прогресс теории, таким образом, принимает характер перманентной революции, не предполагающей периода стабильности. Теория при таком понимании становится потенциально чрезвычайно динамичной, стремящейся к экстенсивному развитию, совершенствуя саму себя, а любое стабильное состояние теории ассоциируется со стагнацией. Такая теория одновременно и терпима и нетерпима к другим теориям или методологиям. С одной стороны, она предполагает,

что любая теория является источником материала и теоретических положений, что уже само по себе интересно, поскольку позволяет преодолеть стагнацию, усовершенствовать собственную теорию, расширить и улучшить ее. С другой стороны, предполагая, что теории в большей или меньшей степени соответствуют истине, она вводит своего рода «табель о рангах» теорий и методологий, что входит в противоречие с другими методологиями и ставит под сомнение научность других теорий и способствует противостоянию в формах уже не научных, а культурных. Эта методология своим динамизмом угрожает не только теоретической стабильности других методологий, но и экстранаучным интересам ученых, поскольку ее динамизм предполагает ускоренное устаревание теорий. Лакатос.

Как видим, научный прогресс, понимаемый как изменение и расширение теории, связан с детерминизмом. Для индетерминистских теорий само понятие научного прогресса сводится к уточнению и совершенствованию теории, замкнутой в самой себе: ни от чего не зависящая истина сама по себе не предполагает никаких изменений. Взгляды ученого, с точки зрения индетерминиста просто соответствуют ей или будут вложены в ее прокрустово ложе. Понимание же науки как роста, расширения и умножения теорий связано с ментализмом, поскольку предполагает множественную, зависящую от точки зрения исследователя, интерпретацию данных.

После сделанного теоретического отступления мы можем «вернуться к нашим баранам». Взгляды Бодуэна и Поливанова принадлежали к менталистски-детерминистской парадигме. Они были представителями довольно агрессивной в научно-теоретическом плане парадигмы, стремящейся к максимальному ускорению научного прогресса. Московские же лингвисты в массе своей придерживались феноменалистских и, под влиянием Г.Г.Шпета, индетерминистских взглядов. В этом плане мы считаем вполне правдоподобным объяснением описанной выше коллизии утверждение о бессознательном стремлении приспособить понятие фонемы к своим методологическим представлениям. Что и привело к формированию принципиально новой фонологической теории. Факторы же внешней истории науки (например, коллизии с И.В.Сталиным) привели абсолютному господству московского варианта фонологии в русской лингвистике.

Описанные процессы мы не можем рассматривать в терминах прогресса/регресса, поскольку не видим точки отсчета, позволяющей определять вектор развития/деградации. В то же время в среде московской школы лингвистов наблюдается явный прогресс, правда в специфическом феноменалистски-индетерминистском понимании.

Более того, мы считаем, что при описании истории гуманитарных наук в принципе невозможно говорить о прогрессе/регрессе без учета тех методологических положений, которые определяют научное исследование, и социальных факторов, которые определяют поведение ученых.

Литература

1. Горбаневский М.В. В начале было слово...: Малоизвестные страницы советской лингвистики. – М.: УДН, 1991. – 256 с.
2. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. — М.: Медиум, 1995.
3. Лещак О. Нарис функціонально-прагматичної типології досвіду, або ж теорія першої та другої половини дня // *Studia Methodologica*, Тернопіль 2002, вип. 10, с. 3-24.
4. Лещак О. Типологічний нарис лінгвістичних методологій з позицій функціонального-прагматизму // *Мандрівець*. — 2001. — №5-6.
5. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение (общий курс) // *Избранные труды в 2-х тт.* – М.: Учпедгиз, 1956. – Т. 1. – С. 23-199.
6. Яковлев Н.Ф. Древние языковые связи Европы, Азии и Америки // *Известия АН СССР*, вып. 2. — 1946. — С. 141-148.
7. Baudouin de Courtenay J. *O języku polskim /Wybór prac pod red. J.Basary i M.Szymczaka.* – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984. – 454 s.